

ПСИХИАТРИЯ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА

Уилфред Бион

Перевод с английского выполнен [Михаилом Козловым](#) по изданию

The complete works of W. R. Bion – Karnac books 2014, Vol IV, p. 45 – 59

«Психиатрия во время кризиса» — это обращение председателя медицинской секции Британского психологического общества 22 января 1947 года. Оно было опубликовано в 1948 году в «Британском журнале медицинской психологии» и переиздано в 1992 году в сборнике «Cogitations».

ВСТУПЛЕНИЕ РЕДАКТОРА

Статья представляет собой редкий пример того, как Бион связывает свой метод наблюдения за групповой психической жизнью и свои рассуждения с институтами и более широкой культурой общества. В ней есть отголоски работы Фрейда «Недовольство культурой» (1930а).

Она начинается с прекрасного краткого изложения причин организации первого эксперимента в Нортфилде. Представленная проблема описывается так: «В методах, применяемых для лечения неврозов, пациенты, врачи и общество в равной степени достигли своего рода равновесия неискренности».

Лечение он описал следующим образом: «Единственным занятием, которое могло быть терапевтическим, было изучение группой природы недуга, от которого они страдали индивидуально и коллективно». Результат: «Эксперимент был завершен руководством, и поскольку выяснить их душевное состояние не удалось, я не могу предположить причину неудачи».

То, что он узнал из эксперимента и продолжал исследовать в течение следующих нескольких лет, которые Эрик Трист назвал «групповым десятилетием», вытекало из его открытия, что «Что-то в динамике бессознательных тенденций в группе делало группу особенно чувствительной к любому исследованию ее эмоциональной напряженности» – эквивалент в групповой психической жизни тому, что Фрейд (1930а) ранее описал для индивидуальной психики как активное сопротивление, оказываемое динамическим бессознательным своему содержанию и процессам, которые становились сознательными посредством психоаналитического метода.

Бион приводит убедительные аргументы в пользу включения [в изучение] того, что он называет «эмоциональным компонентом в человеческих отношениях», и подчеркивает важность его изучения, а не манипулирования им. Своими основными темами он выделяет следующие:

1. Существование разрозненных академических дисциплин, изучающих групповую и институциональную жизнь, каждая из которых имеет разные языки и цели.
2. Проблемная связь между быстрыми темпами технического прогресса и более медленным и хрупким развитием эмоционального роста.
3. Вопрос в том, сможет ли западная цивилизация обрести зрелость, необходимую для того, чтобы принять вызов распознавания действия содержащихся в ней мощных бессознательных импульсов.
4. Что цивилизация на Западе, по-видимому, направлена на увеличение времени и возможностей для досуга — состояния, которое идеально подходит для вытеснения мощных инфантильных бессознательных импульсов и примитивных фантазийных отношений.

Бион объединяет свои обширные размышления и предположения в статье, показывая, как для гражданина и психиатрической профессии эти четыре темы сходятся в нынешнее кризисное время.

Крис Моусон

ПСИХИАТРИЯ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА

Посещение отделения трудотерапии военного психиатрического госпиталя в начале войны убедило меня в том, что в методах лечения неврозов пациенты, врачи и общество достигли своего рода равновесия неискренности. Природа этого равновесия не была ни обнаружена, ни понята. Я пришел к выводу, что единственным занятием, которое могло бы принести пользу, было изучение группой природы недуга, от которого они страдали индивидуально и коллективно.

Когда несколько лет спустя у меня появилась возможность реализовать эту идею на практике, результатом стал мощный выброс эмоций, который проявился главным образом в повышении морального духа среди пациентов, проявлениях недисциплинированности со стороны двух мичманов из персонала — стабильных личностей *ex officio*¹ — и незначительное, но стойкое сопротивление неясного происхождения. Эксперимент был завершен руководством, и, поскольку выяснить их душевное состояние не удалось, я не могу предположить причину неудачи.

Последующие события, в частности создание военным министерством подразделений по переселению гражданского населения, убедили меня, что этот эксперимент имел свойства цепной реакции и, следовательно, имел предпосылки для роста. Однако он также показал, что что-то в динамике бессознательных тенденций в группе делало группу особенно чувствительной к любому исследованию ее эмоционального напряжения. Эта чувствительность особенно проявилась в классе, который Арнольд Тойнби называет «доминирующим меньшинством»² «Больная цивилизация, — пишет он, — расплывается за свою угасающую жизнеспособность распадом на доминирующее меньшинство, которое

1 В силу занимаемой должности

2 Arnold Toynbee A Study of History, Vol. 3, p. 77

правит с растущим угнетением, но больше не руководит, и пролетариат (внутренний и внешний), который отвечает на этот вызов, начиная осознать, что у него есть собственная душа, и принимая решение сохранить свою душу живой». О доминирующем меньшинстве я еще скажу позже.

Судя по тому, что я сказал до сих пор, вы можете подумать, что, говоря о кризисе, я имел в виду последнюю войну³, но это не так. Давайте на мгновение обратимся к некоторым событиям, свидетелями которых мужчины и женщины моего поколения стали за последние сорок лет. В этот период Россия и США достигли превосходства. Британская империя прекратила свое существование, и ее место заняла рыхлая федерация, точная природа которой, вероятно, не будет определена еще много лет. Германия, достигшая огромной мощи, теперь кажется уничтоженной. За тот же период человечество достигло такой глубины варварства, которая гарантирует, что наша эпоха войдет в историю как та, в которой все зверства исторического времени были легко превзойдены. Действительно, наша единственная претензия на славу и наша самая светлая надежда на будущее состоит в том, что эта эпоха уже превзойдена никогда не будет.

Сорок лет назад цивилизация с чисто личной точки зрения выглядела почти благоприятно. Однако даже мы, живущие на земле, которая никогда не подвергалась вторжению, можем перечислять личные катастрофы и страдания, которые нельзя было предвидеть в 1907 году.

Изменения в техническом прогрессе за это время были колоссальными. Сорок лет назад над Ла-Маншем не летали, а двадцать лет назад радиовещание находилось в зачаточном состоянии. Вероятно, будет справедливо сказать, что человек [теперь] более опытен в механике управления чем-либо, от самолета до массы своих собратьев, чем сорок лет назад. Было бы поучительно, если бы члены нашей секции попытались записать свой собственный опыт в этот период, сначала записывая развитие материальных благ — холодильников, автомобилей, радиоприемников и т. д. — а затем записывая свои личные потери с точки зрения домашнего счастья. Если бы психологи нашей секции могли провести обзор материала, который могла бы предоставить секция в целом, это могло бы предоставить удивительную и ценную информацию. Если бы я сказал, что за последние сорок лет великие технические достижения сопровождались огромным ростом человеческого несчастья, многие бы согласились. Но я мог бы с тем же успехом сказать, что как технические достижения, так и катастрофы не оказали никакого влияния на угнетение выживших, и характерно, что можно придерживаться любого мнения и действовать на его основе без малейшего доказательства того, что это мнение было оправдано на самом деле. И именно так обычно и ведутся политические, экономические и международные дела. Требуется механизм для установления фактов, и если его не предоставят люди с нашей подготовкой и мировоззрением, вряд ли это сделает кто-либо другой.

Каким бы проблематичным ни было влияние событий нашего времени на человека, мы можем быть совершенно уверены, что душевное состояние людей, составляющих национальные группы, оказало глубокое влияние на события нашего времени. Наша вера в то, что это так, укрепилась за последние сорок лет рядом технических достижений, о

3 Имеется в виду вторая мировая война т. к. текст написан в 1947 году — прим. перев.

которых я не упомянул, а именно, достижений в лечении неврозов и перед этой аудиторией я могу довольно кратко описать этот прогресс как переход от *sal volatile*⁴ к психоанализу.

Совокупности знаний, которая давала бы для изучения группы то же, что психоанализ дает для изучения личности не существует. Материал, актуальный для нашего исследования, содержится в информации, накопленной несколькими в настоящее время широко разделенными дисциплинами. Все, что я хочу показать, это то, что многие мыслители были более или менее пристально озабочены предметом, который для них оставался неопределенным, но который сегодня начал принимать более ясные очертания. Я рассматриваю только западную цивилизацию.

В книге «Природа и судьба человека» Райнхольд Нибур проводит различие между тем, что он называет классическим и романтическим подходами к предмету. Он имеет в виду платоновские и аристотелевские взгляды на организацию государства в отличие от подходов таких мыслителей, как святой Августин, Маркс и Энгельс, и Ницше. Соглашаясь с таким различием, я бы сказал, что писатели-классики были привержены вере в верховенство и целостность разума, в то время как романтики больше осознавали эмоциональную составляющую человеческих отношений. Мне представляется, что было бы ошибкой игнорировать важность произведений классической литературы. Даже сегодня платоновский взгляд на важность функционирования личности содержится в рекомендациях по профессиональной ориентации и таких производных документах, как «Схемы набора в армию» (схема, согласно которой мужчины могли быть по рекомендации психиатра отправлены в подразделение вооруженных сил или место, где они бы оказывали услуги в пределах ограничений, налагаемых их психическим состоянием). Моя критика мыслителей, которые здесь названы романтиками, заключается в том, что они обладали талантом манипулирования, но не понимания бессознательных эмоциональных импульсов. Возможно, именно этот факт придает христианству свойства отсутствия «адекватной и позитивной цели для социальных и политических усилий» и «отношения безразличия к более крупным социальным проблемам», описанные Флюгелем в «Человеке, морали и обществе». По большей части ссылки на внешние события, по-видимому, делаются не для того, чтобы выразить желательность внешних изменений, а, скорее, для обозначения рамок, в которых индивид должен был осуществлять свои внутренние корректировки.

Критика Флюгеля о том, что было сказано недостаточно для помощи агрессивному или доминирующему индивидууму, похоже, подтверждается историей нашего времени. С другой стороны, Нибур, критикуя Ницше, сомневается в ценности ощущения жизненной силы, достигаемого высвобождением агрессивных импульсов. Похоже, это реакция оптимистического либерального мировоззрения, предполагающего, что эмоции и разум легко гармонизируются, но при дальнейшем размышлении у Нибура остается тревожное ощущение, что в либеральном мире есть место только для высушенного интеллектуализма.

Мне кажется, что человек вполне добился успеха в регулировании внешних отношений с помощью закона. Проблема возникает, когда дело доходит до создания какого-либо метода борьбы с глубинным эмоциональным напряжением в человеческих отношениях. И именно

4 «Нюхательная соль» - чаще всего на основе карбоната аммония, впервые была использована в середине XVII века.

эти примитивные бессознательные напряжения представляют собой фундаментальную проблему всех человеческих отношений. Всякий раз, когда они проявляются в качестве внутреннего элемента изучаемой проблемы, люди отступают, прибегая к дальнейшему исследованию возможностей внешнего регулирования. Эта повторяющаяся озабоченность техникой [управления], являющаяся сама по себе не чем иным, как побочным продуктом неспособности справиться с основной проблемой, никогда не достигает более высокого уровня, чем техническая подготовка полицейских операций, каким бы великолепным языком они ни были оформлены.

Сейчас это вдвойне печально. Лидеры сообществ не только уклоняются от основной проблемы, но и по природе убежища, которое они нашли в своей неудаче, они перестали быть творческими лидерами, необходимость которых Тойнби описывает как обязательную для здорового роста цивилизации. Вместо этого они стали доминирующим угнетающим меньшинством.

Хотя может показаться, что неспособность справиться с основной проблемой – если такова справедливая оценка ситуации – это все, что требуется для объяснения наших нынешних страданий, мне важно привлечь внимание к еще одному компоненту успеха или неудачи попыток решения проблем человеческих взаимоотношений. Я имею в виду, конечно, подготовку тех, кому выпала судьба интерпретировать и применять теории и доктрины изначальных мыслителей. Часть трудностей в оценке ценности лидера, например, Иисуса, заключается в том, что мы должны руководствоваться результатами деятельности его последователей, а не самого лидера. Мы должны иметь в виду, что лидеру недостаточно быть творческим, если его последователи из-за плохой подготовки или непригодности несут все характеристики доминирующего меньшинства. Я хотел бы еще раз напомнить вам о критике Флюгелем христианства после того, как оно достигло господствующего положения.

То, что я сказал о политологе и религиозном лидере, кажется мне в равной степени справедливым и в отношении философа: он отступает, побежденный, когда на первый план выходит фактор эмоциональных импульсов. Я уверен, что это будет очень умело опровергнуто. Моя точка зрения в том, что отрицать это – функция философии.

Позиция историка слишком часто оказывается немногим лучше, чем позиция национального барда, переводящего на современный язык, под видом иногда науки, иногда литературы, а редко и того, и другого, примитивные военные песни племени. Если бы было по-другому, он сыграл бы более заметную роль в расследовании вины сторон прошлой войны. Когда им не управляют эмоции группы, он тоже отступает от трудной задачи борьбы с ними и их разьяснения.

Мне приходит в голову, что моя критика может показаться резкой. Если так, то я раскаиваюсь, ибо вряд ли справедливо отказываться от других дисциплин из-за отсутствия у них техники, которой мы, психиатры, их еще не снабдили. Моя цель заключалась лишь в том, чтобы настаивать на том, что существует центральное ядро материала, представляющее жизненно важный интерес для исследователей в этих областях, и что до тех пор, пока не будет понято его существование и, по сути, сама его природа, дальнейшее продвижение невозможно.

Здесь я должен выдвинуть некоторые предположения – я не могу назвать их иначе – о взаимодействии между техническим прогрессом и эмоциональным развитием. Кажется, что человек в своем росте не может решить ни одну проблему, не открывая сразу же новые, которые предстают перед ним для решения. Таким образом, приспособившись к одному члену семьи, ему приходится учиться приспосабливаться и к двум. Научившись ходить, он сразу же открывает гораздо более обширное поле, чем то, которое он знал до сих пор, и этот новый и более сложный мир требует исследования и его дальнейшего развития. Освоив речь, он вновь расширяет кругозор с теми же последствиями. И так всю его жизнь. От успеха, с которым он удовлетворяет последовательные требования, создаваемые его собственным прогрессом, зависит его психическое здоровье, а от его психического здоровья зависит успех, с которым он удовлетворяет новые требования — я не буду пытаться распутать это взаимодействие. Рискую быть обвиненным в аристотелевской дихотомии, я предлагаю рассматривать как отдельные сущности своего рода обезьянью способность к приобретению технических навыков, с одной стороны, и способность к полному эмоциональному и интеллектуальному развитию, с другой. Одной из особенностей технических навыков механического типа является то, что эти навыки легко передаются. Это мы должны противопоставить эмоциональному развитию, которое таким свойством не обладает. В результате человек, обладающий особым даром в области научных изобретений, может почти сразу же передать новую силу в руки тысяч своих собратьев и подражание в этой сфере легко и продуктивно. В области эмоционального и интеллектуального развития ситуация совершенно иная. Мимесис⁵ не имеет никакой ценности и даже представляет большую опасность, так как создает ложную видимость роста. Еще не найден ни один метод передачи эмоционального развития, который не был бы безнадежно ограничен в сфере своего воздействия. В результате в социальной группе судьба технического прогресса в целом находится в руках тех, кто более технически одарён. Но судьба эмоционального развития в целом находится в руках эмоционально слаборазвитых, но миметически хорошо подготовленных. Таким образом, мы надеемся на становление техники эмоционального развития, и, можно себе представить, именно это мы в нашем Обществе и стремимся обеспечить. Однако есть еще некоторые аспекты приобретения технических навыков, которые я хочу обсудить. Они таковы: технические разработки имеют свойство повторять ранние ситуации. Таким образом, современные методы путешествий повторяют проблемы и стимулы, возникающие при первых попытках ходьбы, современные способы общения повторяют на более сложном уровне проблемы детской речи, современное оружие разрушения привело к повторению проблем детской деструктивности, современные условия для досуга повторили ранние проблемы любопытства и игры. И я хотел бы напомнить вам, что в ситуациях социальных групп проблемы для человека создаются не его собственными техническими достижениями, а техническими достижениями людей, гораздо более опытных, чем он сам.

Какой именно технический прогресс порождает эти проблемы, не всегда очевидно. Я помню, как разговаривал с другом, который жил в деревне Фен, и заметил, что появление автобуса, должно быть, имело огромное значение для изолированной жизни сельских жителей. Он ответил, что это изменило очень мало, а настоящая революция произошла с появлением

5 Подражание, воспроизведение, подобие

велосипеда. До этого сельский житель едва ли знал о существовании деревни в трех милях отсюда. С появлением велосипеда открылись новые сферы социальных контактов, и это принесло сельским жителям новые проблемы. Более одаренные использовали свои возможности, для остальных ничего не изменилось. Этот пример интересен просто потому, что он показывает: то, что является стимулом для одного сообщества, не обязательно является стимулом для другого. Очевидно, что автомобильный транспорт станет более важным, чем велосипед, в горном районе, когда будут построены дороги. Конечно, не только технический прогресс создает проблемы для эмоционального развития. Мы также должны иметь в виду те организации общества, которые сами по себе создают проблемы для большинства тех, кто живет согласно этой организации. Общество может быть организовано таким образом, что большинство его членов психически лишены наследия.

Мне не хотелось бы объяснять, что я подразумеваю под психическим лишением наследия. Тем не менее, я надеюсь, что мой смысл будет достаточно ясен для всех практических целей. Мне кажется, что в широких пределах для своего полного развития человеку необходим простор для развития его политических аппетитов. Сегодня, я полагаю, нам следует охарактеризовать это как простор для личных отношений, но я имею в виду личные отношения в широком диапазоне. В отношении греческого города-государства утверждалось, что его члены могли лично проявлять свои способности к человеческому общению во многих различных функциях. Эта точка зрения, которую я во многом связываю с Лоузом Дикенсоном, а в последнее время и с Гилбертом Мюрреем⁶, очевидно, может содержать больше принятия желаемого за действительное, чем историчности, но, тем не менее, мне кажется, что она содержит зародыш идеи, которую следует сохранить в качестве критерия в наших исследованиях психологически-гигиенического сообщества. При этом подчеркивается, что в небольшом сообществе люди могут проявлять свои особые таланты, не будучи обреченными на разочарование и атрофию других своих желаний. Гражданин Афин не был представлен в парламенте – он был его членом. Он принимал участие, если хотел, в судебных решениях. Его призывали защищать свою страну, и он должен был производить пищу. Очевидно, нелегко решить, в какой момент стремление к специализации изнутри человека трансформируется в навязанное извне отрицание всех, кроме одного или двух навыков. Однако это не должно мешать нам критически следить за тем духовным смещением, которое приводит сообщества к разработке форм объединений, столь же разрушительных для психологического здоровья личности, как для физического здоровья это было бы в сообществе без системы общественного здравоохранения.

Те немногие замечания, которые я сейчас сделаю, предназначены для определения области исследования, которое кажется мне необходимым. Подозрение о необходимости исследования особенно явно пришло мне в голову во время войны, когда мне показалось, что большинство пациентов, которых я видел, принадлежали к классу психически лишенных наследия. Вполне возможно, они лишили себя такого наследия самостоятельно, но тогда у меня не создалось такого впечатления, в любом случае это одна из проблем, требующих исследования. Даже если мы признаем, что индивид является более чем добровольным

6 Голдсуорси Лоуз Дикинсон (1862–1932) был кембриджским философом, тесно связанным с группой Блумсбери. Джордж Гилберт Эме Мюррей (1866–1957) был британским ученым-классиком, специализировавшимся на изучении языка и культуры Древней Греции.

участником лишения себя всего спектра личных отношений, нам все еще приходится помнить о системе домашнего и школьного образования, которая позволила ему продвигаться по такому пути постепенного ограничения без осознания, что он на самом деле так делает. Без сомнения, как только возникает фрустрация, отказ от фрустрированных импульсов приносит некоторую степень комфорта, и этот отказ облегчается за счет накопления внешних трудностей, препятствующих удовлетворению этих импульсов. Как психиатры, мы хорошо понимаем, что такой отказ на самом деле никогда не бывает полностью эффективным. Стимулы удаляются, но возвращаются в виде провокаций на другом уровне. Нас бомбардируют раздражителями, на которые невозможна прямая реакция. Газеты информируют нас о политических проблемах и решениях, которые волнуют нас эмоционально, но на которые мы не можем дать прямого ответа. Машина прессы как минимум гарантирует нам, что мы начинаем и заканчиваем день с ежедневной дозой чувств разочарования и бессилия. Мы думаем о катастрофе самолета в Ньюфаундленде, но ничего не можем сделать для пострадавших. Мы следим за судьбой нашей любимой футбольной команды, но не можем даже отказаться от курения. Огромный аппарат кино и бульварной литературы питает фантазии о мире, в котором моральные проблемы не представляют собой интеллектуальных трудностей, а личные отношения предполагают абсолютный минимум сложности. Такое положение дел хуже, чем эскапизм, потому что, будучи заменителем реальности, оно отрицает удовольствия и страдания реальности.

Ценность группового решения в техническом отношении может исходить из возвращения отдельным лицам группы части их наследия. В качестве вступления к научному исследованию стоит предположить, что, во-первых, профсоюзные движения, а теперь и неофициальные забастовки представляют собой реакцию против психологического лишения наследия, а не глубокое недовольство заработной платой или отсутствием материальных благ.

Частью наследия всего живого являются боль и невзгоды. Быть жестоким, отрицая эту составляющую жизни человека, по меньшей мере так же легко, как и быть жестоким, отрицая взаимопомощь.

Донн⁷ сказал, что «страдание — это сокровище, и едва ли у кого-то оно есть в достаточном количестве. Ни один человек не имеет достаточно страданий, чтобы созреть от них.»⁸ Сегодня вряд ли кто-то будет жаловаться на нехватку этого товара, но возможно ли, что наш сложный механизм по отрицанию существования повседневных неприятностей и трудностей, как социальный, так и индивидуальный, привел к мятежу, который принял форму искусственного производства бедствий в огромных масштабах? Подобное ощущение может вышибить дно у широко распространенной идеи о том, что война и сопутствующие ей трудности полезны для человечества.

Конечно, крайне маловероятно, что какой-либо отдельный компонент такого рода станет чем-то большим, чем отправной точкой для исследования, но я предлагаю обсудить групповые отношения под новым углом.

7 John Donne Meditation XVII From Devotions upon Emergent Occasions (1623)

8 Иными словами «Никто не страдает в одиночку, и осознание чужой боли только делает нас сильнее и способнее жить.»

Рост и упадок цивилизаций всегда возбуждали любопытство человечества и недавно были подробно изучены Арнольдом Тойнби. Во всех исследованиях внимание уделяется роли неблагоприятных обстоятельств в возникновении культуры и взаимному интересу к той роли, которую играет легкость в создании инерции или, альтернативно, в случае уже развитой цивилизации, упадка и распада. Народ и окружающая среда были названы фундаментальными причинами, но ни одна из них не была признана действительно объясняющей больше, чем небольшое количество фактов. Представляется очевидным, что от одаренного народа, естественно, можно ожидать создания тех характерных особенностей общества, которые заставляют нас классифицировать его как цивилизованное, и история, по-видимому, определенно поддерживает точку зрения, что трудные условия, хотя они могут оказаться слишком трудными и, таким образом, привести к вымиранию сообщества, фактически не раз ассоциировались с ростом высокого уровня цивилизации. Минс, цитируемый Тойнби⁹, утверждает: «Окружающая среда ... не является главной причиной в формировании культуры ... [она] вне всякого сомнения, самый заметный фактор ... но есть еще неопределяемый фактор, который лучше всего обозначить просто как X, неизвестную величину, по-видимому, психологического характера ... если X не является самым заметным фактором в формировании культуры, то он, безусловно, является самым важным, самым судьбоносным». Сам Тойнби подробно разрабатывает теории, основанные на взаимоотношениях групп внутри и вне данного общества. В частности, он подчеркивает роль взаимодействия между доминирующей творческой группой и внутренней пролетарской миметической группой, с одной стороны, и аналогичной внешней группой, с другой. Похоже, утратой творческих способностей доминирующей группы, которая в то же время становится угнетающей и не склонной к лидерству он объясняет изменения в обществе. Здесь я отмечу, что, если психиатр теряет склонность руководить в группах, он, конечно, становится угнетающим и деспотичным. Я просто привожу это как свидетельство осведомленности в том, что психологические факторы играют какую-то неизвестную роль в росте и развитии групп. Простите меня за упоминание о том, что в 1943 году я обратил внимание общества на необходимость получить представление о психологическом происхождении хотя бы некоторой части, а, по моему мнению, большей части его страданий. Теперь я предлагаю сделать несколько предварительных предположений, которые, я надеюсь, будут признаны не более чем гипотезами, достойными исследования.

Во-первых, я скажу, что мне нетрудно признать важность окружающей среды и расовых характеристик, играющих очень важную роль в росте или развитии цивилизации, так же, как мне не составляет труда признать важность наследственных свойств человека, когда он приходит на лечение, или важность обстоятельств его жизни. Однако меня не нужно убеждать, чтобы согласиться с Тойнби в том, что объяснения, основанные на расе, окружающей среде или старении, совершенно неудовлетворительны. Я сейчас объясню, почему я считаю важным влияние среды: оно порождает трудности, с одной стороны, и простоту, с другой. Однако прежде чем сделать это, я сразу замечу, что подозреваю, неизвестный психологический фактор, о котором говорит Минс, — это способность, проявляемая отдельными членами сообщества к личным отношениям, и качество этих отношений.

9 Philip Means «Ancient Civilizations of the Andes» p. 25–26

Возвращаясь теперь к роли окружающей среды, следует помнить, что такие наблюдатели, как Бэдджот и многие другие, были поражены тем фактом, что окружающая среда является таким заметным фактором. Нас не должны сдерживать случаи, когда окружающая среда была слишком сложной для общества. Если мы рассмотрим сложную, но продуктивную среду, то главной особенностью такой среды является то, что она вынуждает к сотрудничеству посредством движущей силы импульса к выживанию. Те члены сообщества, у которых импульс был недостаточно силен, чтобы принудить к сотрудничеству, не выжили бы. Однако общество в целом постепенно преодолевает свои объективные трудности, отдельные члены взаимодействуют с той легкостью и с той же сложностью, свидетелями которых мы все были при воздушных налетах и подобных опасных ситуациях. История цивилизаций, возникших таким образом, кажется, если историки правы, следовала во многом той же схеме: они жили легко, а затем распались. Общество, которое с самого начала находилось в легких условиях, похоже, не развивает никакой культуры, а остается в состоянии упадка, а состояние тревоги часто делает его уродливым. Х. Драммонд¹⁰ в книге «Тропическая Африка» говорит, что африканцу «не нужно работать, с такой щедрой природой вокруг него работать было бы бесполезно». Они живут, пишет он, «без одежды, без цивилизации, без образования, без религии». Хотя он описывает их как бездумных, беспечных и довольных, он утверждает, что деревенские общины живут в страхе друг перед другом и перед своим общим врагом, работником.

Момент, который мне кажется наиболее важным для сообщества, оказавшегося в щедрой среде, независимо от того, существовала ли эта среда изначально или была создана усилиями самого общества, заключается в том, что в обоих случаях появляется очень важный элемент жизни общества — досуг.

Я вполне сознаю, что, употребляя слово «досуг», я создам весьма ошибочное впечатление, если вы подумаете, что я имею в виду просто довольно приятное отсутствие работы. Напротив, я хочу передать этим словом динамическое состояние личных отношений, которое, будучи правильно вызвано и правильно использовано, является одной из самых мощных сил в психиатрическом исследовании. Чтобы объяснить это утверждение, я проиллюстрирую свою точку зрения, рассказав вам об одной методике работы в группе без лидера, которую мне так и не удалось внедрить. Механизм этого был довольно прост: я предложил, чтобы в каждой серии групповых тестов без лидера, проводимых отборочной комиссией военного министерства, наступал момент, когда офицер-испытатель собирал вокруг себя свою группу кандидатов и затем как бы подвергал их пятнадцати — двадцатиминутному ожиданию, как бы пока уладят какую-то административную неувязку. В это время он бы вскользь наблюдал за тем, что они делали. Подобная техника, если ее так можно назвать, я использую в своих терапевтических группах. Все дело в том, что группе особо делать нечего. Конечно, очевидно, что аналитическая сессия обладает аналогичным качеством. Происходит следующее: личные отношения между членами группы немедленно предстают перед вниманием каждого члена группы и перед осознанным вниманием наблюдателя, если он это позволит.

10 Henry Drummond «Tropical Africa», Hodder and Stoughton, 1891

Я полагаю, что неизвестный психологический фактор роста и упадка цивилизаций не обязательно должен быть неизвестным. Он, конечно, всегда присутствует, даже в обществе, сталкиваемом с трудностями, но его проникновению в сознание легче противостоять, когда есть реальные задачи, жизненно важные для выживания сообщества, которые необходимо выполнить. Его проникновению все еще можно сопротивляться, когда состояние досуга развивается, но отвлечения — это способ привлечь внимание к предмету, от которого требуется отвлечься. При отсутствии какого-либо руководства в решении проблем личных отношений происходит распад группы. Против этого можно возразить, что цивилизации прошлого поддались завоеванию иностранных захватчиков. Я полагаю, что это лишь одно из проявлений того же самого. В оправдание этого утверждения я повторю фразу, которую я использовал для описания обоснования групповых методов без ведущего при объяснении значимости личных отношений для задач, которые офицер призван выполнять на войне: «Если человек не может быть другом со своими друзьями он не может быть врагом своему врагу.» Группа, состоящая из таких людей, станет жертвой внутренней враждебной [под]группы.

Теперь я попытаюсь продемонстрировать четыре темы, которые, как мне кажется, возникают в результате моих рассуждений.

Первая тема — это озабоченность широко разделенных дисциплин проблемами индивидуальных и групповых отношений. Священник, философ, политолог, законодатель и государственный деятель — все были озабочены этой проблемой, но все они не смогли найти ничего, кроме догматических и часто призрачных решений. Причиной такой неспособности является то, что, поскольку существование и действие бессознательных эмоциональных импульсов в обществе не были признаны, лидеры в этой области были отброшены к поверхностному и, следовательно, бесплодному пересмотру *механизма* личных отношений. Высказывается предположение, что в течение последних пятидесяти лет знания о природе и функционировании неизвестного фактора начали в той или иной степени предоставляться последователями Фрейда, Юнга и Адлера.

Вторая тема связана с взаимодействием развития технических навыков и эмоционального роста. Разработка методов работы с эмоциональным ростом, похоже, ведет к разрешению этой дихотомии.

Третья тема, связанная с ростом и упадком цивилизации, похоже, приводит к выводу, что рост цивилизации является продуктом реакции сообщества на вызов, брошенный ему. Достижения психиатрии, о которых я упомянул указывают на то, что проблема, с которой сегодня сталкивается цивилизация, — это не окружающая среда, а действие бессознательных эмоциональных импульсов. Рост цивилизации зависит от успешного ответа на этот вызов.

Четвертая тема указывает на то, что технический прогресс способствует созданию досуга и что досуг — это состояние, которое наиболее способствует проявлению бессознательных эмоциональных импульсов в человеческих отношениях. Работа ученых-атомщиков ставит человечество перед дилеммой: с одной стороны, речь идет об уничтожении человечества, с другой стороны, о создании досуга в силу возросшей силы и необходимости ограничения

воинственности. Таким образом, история технического прогресса также указывает на то, что вскоре проблемы личных отношений станут требующими решения.

Таким образом, эти четыре широко разделенные темы сходятся не только в одной и той же проблеме, но и в одно и то же время, и это время — настоящее.

В начале своего выступления я вскользь упомянул об исчезновении Британской империи. Зрелище великой державы, избавляющейся от материальных владений, в свете нашей прошлой истории имеет характерные черты интроспективного ухода. Я не буду сейчас излагать причины для размышлений, что это может быть событием огромной важности в развитии цивилизации. Однако в некоторых важных деталях это напоминает картину эллинского общества, представленную Тойнби, когда оно, согласно Фукидиду, «подавлялось со всех сторон в течение длительного периода времени». Тойнби указывает, что за это время расширение эллинского общества превратилось благодаря Афинам «из экстенсивного процесса в интенсивный» и что это была «эпоха, которая в глазах потомков выделяется как вершина эллинской цивилизации». Если что-то и есть в этом сравнении, то мои четыре темы как бы сходятся не только в этом предмете и в этой эпохе, но и в этом месте.

Было бы приятно думать, что психиатрам теперь суждено возглавить дальнейшее развитие цивилизации. Если я создал впечатление, что это моя точка зрения, значит, мое выступление не достигло своей цели. Одно дело, когда сообщество оказывается в положении, когда перед ним стоит проблема, и совсем другое, как показало наше исследование, принять эту проблему и преодолеть ее.

Прежде всего, необходимо осознать природу вызова и сам вызов. Насколько это сложно, можно проиллюстрировать тем очевидным фактом, что мы не можем быть уверены, что все мы подразумеваем одно и то же под словами «бессознательные эмоциональные импульсы». Я достаточно хорошо осознаю, что говорю об определенных явлениях, продемонстрированных в ходе психоаналитических отношений, но у меня нет оснований полагать, что другие исследователи, использующие другие методы, описывают эти явления теми же словами.

Далее, из того, что мы видели в передаче интуитивных познаний предыдущих лидеров в области личных отношений, становится очевидным, что многое зависит от отбора и обучения последователей. Они должны быть, и, тем не менее, редко бывают способны к лидерству, а также и на нечто большее, чем подражание первоначальному мыслителю.

Кроме того, необходимо найти средства, с помощью которых тот особый вид фактов, с которыми мы имеем дело, может быть должным образом исследован и зафиксирован: вспомните мои замечания о нехватке материала, на котором можно было бы основывать какие-либо суждения о взаимосвязи между техническим и эмоциональным прогрессом в нашей собственной жизни.

Наконец, группа, стремящаяся к лидерству, должна балансировать между Сциллой, вызывающей такую большую тревогу, что она подавляется, и Харибдой, вдохновляющей широко распространенную, но миметическую дисциплину, механистичность которой, как ее называет Тойнби, поражает качество лидеров и заставляет их из-за потери творческих способностей вырождаться в доминирующее подавляющее меньшинство. Сможет ли наша страна, из всех стран, и наша группа, из всех других групп в стране, ответить на вызов

нашего времени, будет зависеть только от того, что мы сами сделаем. Психиатры могут предоставить решение этой задачи другим группам в стране, или нация может передать ее другим нациям. Или человечество может просто еще раз отложить решение проблемы будущим поколениям из-за отсутствия творческих лидеров или некомпетентности. Если это так, то перспективы действительно мрачные. Именно это, дамы и господа, я называю психиатрией во время кризиса. ■

Страница постоянного размещения данного текста

<https://michel.kosloff.pro/articles.html#about>